

Сердце Запада

Из собрания сочинений

Трест, который лопнул
Сердце Запада

О. Генри
Из собрания сочинений

СЕРДЦЕ ЗАПАДА

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
Г34

*Перевод с английского Р. Райт-Ковалёвой,
Т. Озёрской, А. Старцева, Норы Галь, М. Кана*

Генри, О.

Г34 Сердце Запада / О. Генри; [пер. с англ. Р. Райт-Ковалёва, Т. Озёрской, А. Старцев, Н. Галь, М. Кан]. – М. : Т8RUGRAM / Агентство ФТМ. – 358 с.

ISBN 978-5-519-61263-0

Один из самых известных юмористов в мировой литературе, О. Генри создал уникальную панораму американской жизни на рубеже XIX–XX веков, в гротескных ситуациях передал контрасты и парадоксы своей эпохи, открывшей простор для людей с деловой хваткой, которых игра случая то возносит на вершину успеха, то низвергает на самое дно жизни. Включены следующие рассказы из сборника «Остатки»:

«Метель» в переводе Э. Бродерсен.

«Ценитель и пьеска» в переводе Н. Галь.

«Сердца и руки» в переводе М. Кан.

«Воробьи на Мэдисон-сквере» в переводе Н. Галь.

«По кругу» в переводе М. Кан.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-519-61263-0

© Т8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2018
© Перевод. Р. Райт-Ковалёва, наследники, 2018
© Перевод. Т. Озёрская, наследники, 2018
© Перевод. А. Старцев, наследники, 2018
© Перевод. Н. Галь, наследники, 2018
© Перевод. М. Кан, наследники, 2018

Остатки

Метель

Ночь распростерла свои мрачные крылья над ущельем Потерянной реки, и я дал шпоры своему коню и быстро помчался по направлению к ранчо Гнедая лошадь, потому что все предвещало метель. Я был знаком с Россом Куртисом, владельцем ранчо, и знал, что буду радушно принят, во-первых, потому, что он был всегда гостеприимным хозяином, а во-вторых, потому, что он любил поговорить. На мой оклик из ворот усадебного дома, который находился в самой «пасти» ущелья, высунулась чья-то рука и взяла за уздцы моего усталого коня. А несколько минут спустя я уже сидел с Россом у пылающего камина в столовой усадебного дома, состоящего из четырех комнат. К столовой, не отделяясь от нее дверью, прилежала кухня. В ней я мельком увидел коренастого человека с обветренным лицом, с профессиональной уверенностью расхаживающего вокруг раскаленной плиты. На его серьезном лице нельзя было ничего прочесть — это могло быть лицо великого мыслителя или человека, не привыкшего вовсе мыслить. Мелкий сухой снег пробивался сквозь щели балок, и, несмотр-

ря на весело горящий камин, в комнате было холодно. Мы сидели и болтали, вздрагивая от нервности и от сквозняков. Росс очень кстати вспомнил о бутылочке, которая стояла у него в шкафу, и мы устроили себе горячий грог. Те, которые считают, что все можно выразить в музыке, вероятно, вдохновились бы и написали бы симфонию для выражения того настроения, в котором мы находились. Звон стаканов, треск дров в камине, завывание ветра и вагнеровский грохот сковородок на кухне — все это сливалось в одну гармоническую мелодию. Не менее приятным аккомпанементом было шипение жарящихся бараньих котлет, которое сулило нам вкусный ужин. Повар вошел в комнату и поставил на стол шипящую сковородку. Он равнодушно кивнул мне головой и с ловкостью жонглера расставил тарелки и приборы. Я бросил на него любопытный и, должен сознаться, несколько заискивающий взгляд. Кто мог предсказать, когда кончится метель и когда можно будет выбраться отсюда? А в таком случае всегда хорошо пользоваться расположением повара. Но я не мог прочесть на его невозмутимом лице ни расположения, ни пренебрежения. Ужин отвлек меня от дальнейших моих наблюдений, и я обратил все свое внимание на вкусные бараньи котлеты. — Как ты думаешь, Джордж, долго ли продлится метель? — спросил Росс повара. — Может быть, долго, — ответил он — а может быть, и не долго, — добавил он после некоторого размышления и вернулся к своей плите. После ужина Росс насыпал табаку на стол, снова поставил бутылку виски и стаканы. Я понял, что

на меня скоро хлынет так долго сдерживаемый поток его красноречия. — Чертовская вещь эта метель! — сказал Росс в виде, предисловия. — Я могу выносить дождь и слякоть, и двадцать градусов выше и ниже нуля, и даже циклон средней силы, но этот дурацкий снег выводит меня из терпения!.. Я полагаю, что он потому так действует на мои нервы, что сильно изменяет вид всех предметов. В одну ночь снег скрывает все старые хорошо знакомые нам места, и мы неожиданно переносимся в какую-то сказочную страну... Понемногу поток красноречия Росса стал сгущаться в тучи, и он замолк. И мы молча сидели у догорающего камина, как это делают хорошие друзья или ярые враги... Наше молчание было прервано внезапным стуком в дверь. Повар открыл дверь, и в комнату ввалился человек. В первую минуту он не мог произнести ни слова. Он весь был облеплен снегом, как куколка в белый кокон, и окоченел от холода. Мы подвергли его испытанному лечению — растиранию снегом, давали ему чайными ложками виски и довели его постепенно до такого состояния, что он мог сам пить грог. Это был француз и звали его Этьеном Жиро. Сначала он был оперным певцом, но разные обстоятельства заставили его бросить эту карьеру. За неимением заработка он сделался хиромантом, перекочевывая из одного города в другой. Он ругал снег на чем свет стоит, и мы ему поддакивали. Повар стоял в дверях и молчал. По его лицу я понял, что он считал ребячеством наши выпады против снега. Кроме того, я заметил, что он недолюбливал иностранцев, так как он с пренебрежением смотрел

на Этьена. В течение всего дня француз стоял у окна и грыз свои ногти, жалуясь на однообразие и скуку. Мне лично он был несимпатичен, и, чтобы хоть на время избавиться от его общества, я вышел взглянуть на свою лошадь, причем поскользнулся и сломал себе ключицу. После этого неприятного происшествия я должен был прилечь на диване и неподвижно лежать на спине. Я превратился теперь в зрителя и стал наблюдать за Россом и Этьеном, сидевшими у окна. — Я сойду с ума в этом проклятом месте! — довольно неучтиво сказал Этьен. — Никогда не знал раньше, что Марк Твен может так надоесть, — сказал Росс, сидя у другого окна. На подоконнике стоял ящик отвратительных крепких питсбургских сигар. Начиная новую главу, он каждый раз закуривал новую сигару и с остервенением выпускал дым. — Ужин подан! — объявил повар. Мы все радостно просияли и сели за стол. Обеда и ужины были нашим единственным развлечением. После ужина Росс снова закурил свою отвратительную сигару, а Этьен стал снова грызть свои ногти. Моя ключица страшно болела, и, чтобы отвлечь свое внимание от боли, я следил полузакрытыми глазами за движениями повара в кухне. Вдруг я увидел, что он насторожил уши, как собака. Затем он подошел к входной двери, распахнул ее и остановился на пороге. — Что случилось, Джордж? — спросил Росс. Он ничего не ответил, но мы видели, что он нагнулся и поднял какой-то предмет. Затем боком захлопнул дверь и опустил ношу на пол. Мы молча застыли в жутком ожидании, пока повар не произнес глухим голосом: — Женщина!..

Имя ее — Вилли Адаме, профессия — школьная учительница, возраст — гм... гм... около двадцати лет. Если бы мы хотели описать мисс Адаме, то мы, наверно, прибегли бы к сравнению с лесом. Грацией своей она напоминала тополь, белизной кожи — березу. Цвет глаз напоминал голубое небо, голос — шепот вечернего летнего ветерка в листве леса, рот — лесную землянику... Легко себе представить, какое впечатление она произвела на всех мужчин. Можете исключить меня из числа мужчин, потому что я никогда не шел в счет, когда дело касалось женщин. Исключите и повара, если хотите. Но обратите внимание, какое действие произвело появление хорошенькой женщины на Росса и Этьена. Когда мисс Адаме удалилась в отведенную ей отдельную комнату, Росс швырнул своего Марка Твена в сундук и запер его на замок. Он также убрал свои отвратительные питсбургские сигары, а затем тщательно побрился. Этьен вынул из жилетного кармана гребеночку и причесал свои всклокоченные волосы, затем вынул из того же кармана маленькие ножницы и подстриг свою бородку, наконец, напмадил свои усы и тщательно закрутил их. Его настроение сразу изменилось. Он улыбался, изгибался и делал разные пируэты, напевая какую-то арию из своего прежнего репертуара. У Росса приемы были более грубые, но он из кожи лез, чтобы оказать внимание мисс Адаме. Она смущенно благодарила и удалялась в свою комнату. Как-то раз под вечер, когда я, по обыкновению, лежал на диване, я услышал следующее: — Мисс Адаме, я почти погибал... умирал от скуки, когда вы, как очаровательное

видение, появились на нашем горизонте! — Я приоткрыл свой правый глаз. Этьен нервно закручивал свои усы, страстно вращал глазами и ближе придвинул свой стул к мисс Адаме. — Я француз... вы понимаете... у меня страстный темперамент. Я не мог вынести скуки на этом ранчо, но... появились вы, прелестная женщина, и все стало улыбаться вокруг вас!.. Мое сердце ожило, когда я почувствовал вашу близость!.. — Он нервно схватил ее руку и с пафосом произнес: — Мисс Адаме! О, если бы вы знали, как я... — Ужин готов! — громко произнес повар. Он стоял позади француза и смотрел прямо в глаза мисс Адаме. — Ужин будет подан через две минуты. Мисс Адаме вскочила со стула с видимым облегчением. — Я должна приготовиться к обеду, — сказала она и ушла в свою комнату. Этьен гневно взглянул на повара и, подойдя к окну, стал опять грызть свои ногти. * * * Когда после ужина убрали со стола, я подождал благоприятной минуты, когда мы с Россом остались одни, и рассказал ему, что случилось. Он так взволновался, что по ошибке опять закурил свою отвратительную питсбургскую сигару. — Ах, мерзкий хиромант! — пробормотал он сквозь зубы. — Я его подстрелю, как собаку, если он посмеет еще раз так разговаривать с моей женой. — С вашей женой? — удивленно спросил я. — Ну да, я собираюсь на ней жениться! — воскликнул он. В течение всего этого вечера атмосфера на ранчо была очень неприятная. Росс следил за мисс Адаме, как петух за курицей, а Этьен следил за Россом, как за петухом-соперником. Положение мисс Адаме было незавидно. Избегнув недавно